

УДК 316.74

СОВРЕМЕННОЕ УКРАИНСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО ПЕРЕД "ВЫЗОВАМИ" ОБЩЕСТВА РИСКА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ "ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РИСКОВОЛОГИЧНОСТИ"

Дейнеко Александра Александровна – студентка 5 курса социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

В работе проанализирован социокультурный портрет "профессионально рискогенной" группы современного украинского студенчества, аналитически выделенной автором на основании изучения социально-профессиональных планов студенческой молодежи. Результаты исследования свидетельствуют, что профессиональные риски студенчества выступают индикаторами целого ряда других рисков -- экономических, образовательных, идентификационных и рисков коммуникации, что актуализирует использование категорий "капитал" и "капитализация" для описания рисков в студенческой среде. Автор делает вывод о многомерном пространстве современных рисков и глубинной их интервенции в ценностно-нормативную и практическую сферы жизнедеятельности современной студенческой молодежи.

Ключевые слова: общество риска, современное студенчество, профессионально рискогенная группа, профессиональные риски, стратегии борьбы с рисками.

У роботі проаналізовано соціокультурний портрет "професійно ризикогенної" групи сучасного українського студентства, що аналітично виокремлена автором у дослідженні соціально-професійних планів сучасної студентської молоді. Результати дослідження свідчать, що професійні ризики студентства виступають індикаторами цілого ряду інших ризиків – економічних, освітніх, ідентифікаційних та ризиків комунікації, що актуалізує використання категорій "капітал" і "капіталізація" для опису ризиків у студентському середовищі. Автор робить висновки щодо багатовимірного простору сучасних ризиків й глибинної їх інтервенції у ціннісно-нормативну й практичну сфери життєдіяльності сучасної молоді.

Ключові слова: суспільство ризику, сучасне студентство, професійно ризикогенна група, професійні ризики, стратегії боротьби з ризиками.

The sociocultural portrait of the contemporary Ukrainian students "professionally risk" group is analyzed in the article. This group is analytically distinguished by the author on the basis of social and professional plans of the students. These results indicate that occupational risks are the indicators of the variety of other student risks - economic, educational, identification and communication, which updates the advantages of the categories "capital" and "capitalization" using to describe the student risks. The author concludes that modern risks are of multi-dimensional nature, and the risks have a strong intervention into the value-normative and practical spheres of student daily routine.

Keywords: risk society, the contemporary studentship, professionally risk group, occupational risks, strategies of risk avoiding.

Волны "исламских революций", кризис Евразии, публичные теракты, дестабилизация мирового валютного рынка способствуют актуализации ситуации риска и неопределенности в нашей повседневности. Ежедневно, входя в вагон метрополитена, мы не можем быть уверены в том, что рядом с нами не окажется террорист-смертник, не обрушится элемент подземной конструкции, не заснет машинист или же мы не станем жертвами приверженцев особых идеологических взглядов. Постоянно каждый из нас находится под прессингом множества рисков социального и природного характера, макро- и микро- уровня проявления, групповой и индивидуальной природы. Описывая подобные сценарии повседневности, современная социология все чаще воспроизводит себя как социология риска (как аутопоэтическая самореферентная система по Н. Луману).

Действительно, последние десятилетия ознаменовали появление ряда работ рискологического направления в социологии, начало которому заложил У. Бек [1]. Эта эстафета была продолжена как в западных социологических студиях (работы Э. Гидденса [2,3], Н. Лумана [4]), так и в постсоветской российской социологической школе (исследования Ю.А. Зубок [5-8], К.А. Феофанова [9], К.А. Гаврилова

[10], О.Н. Яницкого [11], С.А. Красикова [12], А.В. Мозговой [13] и др.). Однако на "исторической родине" Чернобыльской катастрофы, которая послужила ключевой событийной посылкой для зарождения рискологического направления в социологическом знании, теоретические разведки и эмпирические исследования в рамках данного подхода практически не представлены.

Совокупность процессов, протекающих на современном украинском постсоветском пространстве, исследователи концептуализируют как "социокультурную трансформацию" (в частности, Л.Г. Сокурская), под которой понимают процесс кардинальных изменений в содержании и формах взаимодействий разных социальных субъектов, изменение ценностей, норм, образцов поведения и т.д. [14]. В связи с последствиями глобального экономического кризиса и активными процессами политических реформ (социальными флуктуациями которых выступили недавние предпринимательские и пенсионные протесты) трансформационные процессы в украинском обществе интенсивно приобретают "кризисное" состояние, в котором особую значимость играют неопределенность и риск. По мнению Ю.А. Зубок, в условиях кризиса неопределенность и риск усиливаются, что вызвано отрицанием отдельных этапов предыдущего этапа развития общества, когда старые социальные механизмы утрачивают свою эффективность, а новые еще не оформились и не прошли апробацию. В подобном переходном состоянии возникает риск: он проявляется одновременно с нарастанием социальных, экономических, политических и других противоречий, а его степень зависит от остроты и масштаба этих противоречий. Неспособность институциональных структур адекватно реагировать на подобные "болевы синдромы" в обществе приводит к эскалации кризиса и пролонгированному состоянию неопределенности [5, с. 45]. Описанная модель, манифестируя рискологическое измерение социальной реальности, а также "кризисное" состояние социального осознания реальности, в значительной степени актуализирует предметное поле социологии риска как релевантной теории, описывающей нынешнее состояние современного украинского общества.

Рискологическая парадигма вносит несколько значимых теоретических посылок в исследование социокультурного и социоструктурного контекстов: во-первых, актуализируется вероятностный подход к рассмотрению и анализу социальных явлений; во-вторых, подчеркивается незаданность вектора социального развития, в контексте которого деятельностные субъекты рассматривают социальную реальность как поле реализации "жизненных шансов". В данных условиях субъектность социальных акторов становится ключевым фактором успеха противостояния рискам, а сам риск "вшивается" во всю структуру социальной ткани: от критериев стратификации (подверженные риску и изымающие из него выгоду по У. Беку) до системы межличностных отношений.

Рискологический подход не случайно возникает в мейнстриме синтетических построений Э. Гидденса и Н. Лумана: в данном контексте риск рассматривается одновременно как продукт дисбаланса социальной системы и неотъемлимая характеристика сознания агента. Риск "встраивается" в систему внутренних детерминант деятельности агента (в габитус по П. Бурдьё) и воспроизводится на структурном уровне посредством практик. На наш взгляд, подобной особенностью (из которой следует вездесущность риска) обусловлены проблемы теоретической концептуализации и эмпирической операционализации риска в рамках постсоветского дискурса социологии риска, а также справедливость мнений С.А. Красикова [12] и О.Н. Яницкого [11] относительно невозможности четкого определения данного понятия.

Наиболее релевантной в рамках нашего исследования выступает методологическая попытка синтеза объективного и субъективного аспектов риска, которую осуществила Ю.А. Зубок в рамках собственной дефиниции "риска". По мнению российской исследовательницы, риск одновременно отражает *характеристику условий жизнедеятельности* социальных субъектов в состоянии *перехода* от ситуации неопределенности к ситуации определенности (или наоборот), а также *саму деятельность* в данных условиях, когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели, с учетом действующих морально-этических норм [5]. Фактически исследовательница говорит о рискогенности самого социального пространства, о риске как характеристике практик и ценностной среды личности, что свидетельствует о многоуровневой структуре данной категории. Особое внимание автор акцентирует на том, что такое определение риска наиболее точно соответствует специфике *молодежи как группы и молодости как фазы жизни*. В этой связи особую актуальность обретает исследование проявлений общества риска в контексте социально-профессиональных планов современного украинского студенчества, что и составляет *цель данной работы*.

Эмпирической базой исследования выступают результаты международного исследования кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина "Проблемы формирования гражданской идентичности украинской молодежи: роль образования как фактора консолидации общества", проведенного в 2008-2009 гг. (по репрезентативной выборке опрошено 3058

студентов Украины, 987 респондентов белорусских вузов; по нерепрезентативной выборке опрошено 720 российских студентов). Отчасти мы также опирались на результаты исследования кафедры за 2004-2006 гг.

В рамках индивидуального биографического проекта наиболее подверженным проникновению риска выступает пространство жизненной стратегии субъекта, составляющим элементом которого является профессиональная стратегия (в рамках нашего исследования – социально-профессиональные планы). Мы подчеркиваем, что вне зависимости от выбора альтернативы на вопрос о социально-профессиональных планах украинское студенчество априори подвержено множеству профессиональных рисков: от ситуации "ножниц" на современном рынке труда (когда их место на рынке труда уже занято) до недостатка профессиональной компетентности для дальнейшей успешной самореализации. Однако вопрос о социально-профессиональных планах современных студентов представляет особую значимость, поскольку латентно маркирует разные стратегии адаптации к (борьбы с) рискам(и). К примеру, альтернативу *"все равно чем заниматься, лишь бы платили деньги"* можно отнести к *стратегии перевода (страхования)*, когда студенты проявляют максимальную готовность к мобильности в сфере профессиональной реализации, что, отчасти, минимизирует их потенциальную подверженность профессиональным рискам. Студенты, которые выбрали конкретное направление/направления будущей профессиональной деятельности, ориентированы на *стратегию минимизации последствий* рисков путем планирования (путем выбора конкретных социально-профессиональных планов). А вот студенческая группа, для которой привлекательна альтернатива *"четких планов нет"* в контексте социально-профессиональных планов, демонстрирует наиболее подверженную рискам *стратегию избегания*. На основании анализа различных стратегий противостояния рискам мы будем рассматривать данную студенческую группу как потенциально наиболее *"профессионально рискогенную"*. Данный индикатор, на наш взгляд, артикулирует основную идею общества риска по Ю.А. Зубок, когда воспроизводство жизненных средств (в нашем случае профессионального будущего) приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, воспроизводящий риск [6].

Учитывая, что общая картина социально-профессиональных планов современного украинского студенчества была проанализирована нами ранее (в работе [15]), обратимся к анализу динамики альтернативы-маркера риска и неопределенности в студенческой среде.

Исходя из анализа результатов исследований, альтернатива "четких планов нет" в ответах респондентов демонстрирует стабильность показателей на отметках 15% по итогам исследований 2005-2006 и 2007-2009 гг. И хотя последняя не входит в тройку наиболее распространенных социально-профессиональных планов украинских студентов ("тройка" представлена желанием работать по специальности, создать собственный бизнес и заниматься административной деятельностью), она значительно опережает многие другие направления потенциальной профессиональной самореализации студентов (к примеру, желание заниматься научно-преподавательской деятельностью). Этот факт уже может свидетельствовать об актуализации профессиональных рисков будущих специалистов.

Постоянство показателей альтернативы "четких планов нет", несмотря на социально-экономические и политические изменения последних 5-ти лет (события "оранжевой революции" и последующий "социальный оптимизм" населения; мировой экономический кризис и посткризисные настроения), свидетельствует об инкорпорированности рискологических компонентов в сознание современной украинской молодежи, о глубинном их характере. Дисбаланс деятельности высшей школы и актуальных потребностей украинского рынка труда во многом объясняет настроения неопределенности и риска на уровне индивидуального сознания украинских студентов. Усугубляет описанную тенденцию критическая ситуация на современном украинском рынке труда: по состоянию на 2008 год в Украине количество выпускников экономических специальностей превышает реальный спрос в 8 раз [16]. Подобные диспропорции характерны и для выпускников других направлений социогуманитарного профиля.

Рассматривая студентов, декларирующих отсутствие четких планов на профессиональное будущее, в качестве группы, наиболее осознающей профессиональные риски и, одновременно, подверженной им, мы обратились к анализу социокультурного портрета данной группы. С точки зрения объективных характеристик, представители наиболее "профессионально рискогенной" студенческой группы чаще представлены выходцами из сел (32% студентов данной группы против 23% студенчества по всему массиву, различия статистически значимы на уровне 1%¹). Рискологические установки этой группы студентов объяснимы социально-экономическими проблемами дальнейшего "закрепления" сельской

¹ Тут и далее представлены статистически значимые различия показателей на уровне 1% или 5%.

молодежи в городе, различиями "жизненных шансов" и стартовых возможностей выходцев из села в сравнении с городской молодежью. Это подтверждает и более низкий уровень материального положения "профессионально рискогенной" группы: 44% оценивают его как "среднее" против 42% опрошенных с альтернативой "выше среднего" по массиву. Таким образом, у анализируемой группы студентов профессиональные риски во многом актуализированы осознанием социально-экономических рисков. Интересен тот факт, что среди представителей анализируемой нами группы больше и жителей столицы (в сравнении с общим массивом), что отчасти созвучно с тезом Ю.А. Зубок о высокой степени образовательных рисков среди молодежи крупных российских мегаполисов – Москвы и Санкт-Петербурга [7]. Мы объясняем подобную тенденцию студенческим осознанием конкурентной среды экономически привлекательной столицы в борьбе за право пользования "социальными лифтами" и реализацию "жизненных шансов".

Интересен тот факт, что "профессионально рискогенная" студенческая группа в большей степени представлена студентами гуманитарного профиля обучения (32% опрошенных группы против 25% по массиву) и в наименьшей – будущими экономистами (всего 13% студентов группы против 22% по массиву). Если установка на неопределенное профессиональное будущее среди гуманитариев обусловлена их практической невостребованностью в производственной сфере жизни общества и актуальной насыщенностью их представителями современного рынка труда, то наличие четких профессиональных планов среди экономистов (сегмент рынка труда которыми уже переполнен) оставляет простор для исследовательской интерпретации. На наш взгляд, низкий процент представителей экономического профиля обучения в данной группе обусловлен наличием дополнительного профессионального "плацдарма", в роли которого выступает создание собственного бизнеса (как одно из направлений социально-профессиональных планов). С другой стороны, как мы убедимся ниже, социокультурный портрет "профессионально рискогенной" группы по объективным характеристикам в значительной степени отличается от социокультурного портрета студента-экономиста.

Студенческая группа с отсутствием четких профессиональных планов на будущее в большей степени представлена жителями западных областей (29% против 25% по массиву) и центральных регионов Украины (28% против 23%). С одной стороны, подобную тенденцию можно объяснить, исходя из особенностей социально-экономического развития регионов, которая актуализирует ситуацию "ножниц" на современном украинском рынке труда: западные и центральные области Украины (исключая столицу) преимущественно представлены аграрным производственным сектором в отличие от промышленных восточных регионов. С другой стороны, наша гипотеза об актуализации эмиграционных настроений (в частности, желание выехать на временную работу или постоянное место жительства) у анализируемой группы студенты, исходя из особенностей социально-экономического развития регионов, не подтвердилась: студенты "профессионально рискогенной" группы в меньшей степени декларируют свое желание покинуть Украину (в частности, в целях временного трудоустройства – 27% по группе против 33% по массиву, на ПМЖ – 9% против 15%).

Низкий показатель потенциальной академической эмиграции (желание выехать за границу на учебу) у анализируемой студенческой группы связан с более низким уровнем академической успеваемости ее представителей: среди них меньше "отличников" (7% в группе против 9% по массиву) и студентов, учащихся на "отлично" и "хорошо" (42% против 57%). Таким образом, декларируя неопределенность в будущих профессиональных планах, данная студенческая группа не ориентирована на культуркапитализацию и приращение экономического капитала (70% студентов этой группы не подрабатывают в свободное время против 62% студентов по массиву в целом). Это позволяет описать ее как "парализованную" риском на уровне практической реализации индивидуальной субъектности. Низкий уровень культуркапитализации подтверждается также нежеланием студентов дополнительно изучать иностранный язык (всего 9% в группе занимаются иностранным языком дополнительно против 19% студентов по массиву).

Возвращаясь к анализу эмиграционных настроений "рискогенно профессиональной" группы студентов, отметим, что экономические мотивы потенциальной эмиграции не стоит рассматривать в качестве неизбежно детерминирующих выезд, что и проиллюстрировал наш анализ. С другой стороны, низкая степень потенциальной эмиграционной активности анализируемой группы не подкреплена актуализированной гражданской идентичностью: в полной мере ощущают себя гражданами Украины 52% студентов "профессионально рискогенной" группы и 58% студентов по массиву. Идентификационные модели данной группы задают интересную исследовательскую тенденцию: для всех моделей идентичности у студентов с неопределившимися профессиональными планами в большей степени актуализирована альтернатива "скорее ощущаю" и, соответственно, в меньшей – "полностью ощущаю" в сравнении со студентами всего массива. Так, "скорее ощущают" гражданами Украины 34% студентов

аналізуємої групи проти 28% опитаних по масиву, представителем свого регіону – 30% проти 27%, членом світу – 26% проти 22%. І хоч статистично значимі відмінності виявлені не во всіх випадках, нами була зафіксована тенденція "неуверенності" в виборі ідентифікаційних моделей студентами "професійно ризикованої" групи. Цей факт, в свою чергу, свідчить про "розлитість" ризикованих установок сучасних студентів. Так, к осознаваемым социально-экономическим и профессиональным рискам следует добавить нерелефлексивные **идентификационные риски** анализируемой нами студенческой группы.

"Паралич" індивідуальної суб'єктності "професійно ризикованої" групи студентів проілюстровано на прикладі самооцінки їх ролі в студентській групі: серед цих студентів значно більше "сторонніх" (16% проти 11% по масиву) і "пасивних учасників" (34% проти 24%), незначно більше "відкинутих" (3% проти 1% по масиву) і практично відсутні лідери (всього 2% проти 8%). Це дозволяє говорити про актуалізацію **комунікативних ризиків** даної студентської групи, що "отбрасывает" її представителів на периферію соціальних ролей.

Таким чином, аналіз об'єктивних характеристик і ідентифікаційних моделей в рамках соціокультурного портрета "професійно ризикованої" студентської групи свідчить про **"ризиковану капіталізацію"** її представителів. Для них характерні не тільки осознаваемые професійні, соціальні і економічні ризики, але і ідентифікаційні ризики, а також низка ступінь індивідуальної суб'єктності, "паралізована" суммою ризиків різного рівня. Для докладного дослідження суб'єктивної складової соціокультурного портрета нашої групи звернемося до аналізу їх ціннісних орієнтацій і моральних позицій.

Для аналізу ціннісних орієнтацій студентів "професійно ризикованої" групи звернемося до результатів кластерного аналізу, здійсненого по цивілізаційному критерію². Це дозволило встановити, яким чином в ціннісному свідомості аналізованої студентської групи представлені традиціоналістські, модерністські і постмодерністські аксіофеномени. Згідно з результатами кластерного аналізу були отримані 5 кластерів, які диференціюють сучасне українське студентство по ціннісним орієнтаціям. В якості змінних для кластеризації виступили 18 термінальних цінностей і 26 інструментальних (самооцінка рівня розвитку особистісних якостей). В перший кластер, який отримав назву "модерністи - індивідуалісти", увійшли 49% студентів аналізованої нами групи (проти 35% респондентів по масиву). Відзначимо, що представителями цього кластера притаманні орієнтації на такі термінальні цінності, як здоров'я ($S = 4,75$), сім'я ($S = 4,67$), матеріальне благополуччя ($S = 4,38$), хороші стосунки з оточуючими людьми ($S = 4,37$), особиста свобода, відсутність неприємностей ($S = 4,29$), економічна незалежність ($S = 4,28$), особиста свобода, незалежність в судженнях і діях ($S = 4,24$), побутовий комфорт ($S = 4,19$), можливість розвитку, реалізації своїх здібностей, талантів ($S = 4,16$). По самооцінках представителів цього кластера, їм наперед всього притаманне почуття власної гідності ($S = 4,07$), відповідальність, почуття борги ($S = 3,99$), життєрадісність ($S = 3,96$), доброземність ($S = 3,92$), добросовісність, дисциплінованість ($S = 3,75$), наполегливість ($S = 3,68$), трудолюб'я ($S = 3,65$), толерантність до поглядів і думок інших людей ($S = 3,65$).

Аналіз порівняння середніх значень термінальних цінностей аналізованої групи студентів і масиву в цілому показав, що у студентів "професійно ризикованої" групи в меншій ступені актуалізовані альтруїстичні і колективістські цінності (можливість приносити користь людям, участь в громадському житті, взаєморозуміння з батьками), а також постматеріалістичні цінності (економічна незалежність, побутовий комфорт, можливість самореалізації, особиста свобода, цікава робота, освітність). В більшій ступені для даного сегмента студентства актуалізовані гедоністичні цінності повноцінного відпочинку і цікавих розважок. Таким чином, на ціннісному і практичному рівнях студенти даної групи "соціально ліниві": для них не актуалізовані високі соціальні притязання (які позначають цінність соціального визнання) і орієнтації на досягнення.

Останній висновок в багатьох відносинах пояснює той факт, що во второй кластер "модерністи - комуніалісти" увійшли всього 33% студентів виділеної нами групи (і 40% респондентів по масиву в цілому). Третій кластер ("постмодерністи - прагматики") захопив всього 7% студентів нашої групи (11% по масиву), четвертий кластер - "постмодерністи - ідеалісти" також 7% (12% по масиву). Однак серед студентів аналізованої нами групи в п'ятий кластер "традиціоналістів" увійшли 4% студентів (2% по масиву). Це свідчить про те, що для даної групи студентів в більшій ступені

² Детальне описання процедури кластеризації і змісту кластерів представлено в роботах [14, 17].

актуалізовані орієнтації на такі термінальні цінності: сім'я ($S = 3,94$), матеріальне благосостояння ($S = 3,91$), хороші стосунки з оточуючими людьми ($S = 3,89$), цікава, творча робота ($S = 3,89$), можливість реалізації своїх здібностей ($S = 3,85$), здоров'я ($S = 3,81$), особиста свобода, незалежність у судженнях і діях ($S = 3,81$), можливість приносити користь людям ($S = 3,70$). По самооцінках "традиціоналістів" притаманні такі якості, як життєрадісність ($S = 3,57$), доброземність, готовність допомогти людям ($S = 3,34$), готовність до ризику ($S = 3,21$), відповідальність, почуття боргу ($S = 3,15$), трудолюбство ($S = 3,09$), чесність ($S = 3,06$).

По результатам аналізу моральних позицій студентів "професійно ризикованої" були встановлені орієнтації як на догмати Ветхого, так і Нового Заповіту. Орієнтація на догмати Ветхого Заповіту була зафіксована тільки по 3-м позиціям з 7-ми: студентам даної групи найбільш близькі такі судження: "око за око, зуб за зуб" (чим "якщо тебе ударять в праву щелепу, подстав ліву"); "гроші в кишені - всі друзі з нами" (чим "не мій сто рублів, а мій сто друзів") і "честь не в честь, коли нічого є" (чим "краще очі втратити, ніж хороше ім'я").

Евристичним для нашого дослідження виявився аналіз мотивів поступлення в вуз і навчальна мотивація. Порівняльний аналіз мотивів поступлення в вуз показав, що для "професійно ризикованої" групи в меншій ступені актуалізовані такі мотиви: "бажання стати спеціалістом" і "получити стабільний достаток в майбутньому". На їх рішення про поступлення в вуз в більшій ступені впливали "бажання продовжити роки навчання", "бажання батьків", "можливість отримати диплом", "бажання закріпитися в великому місті". Таким чином, низькі показники бажання студентів стати спеціалістом і отримати стабільний достаток в майбутньому багатьма підтверджують нашу гіпотезу про право номінації даної групи як "професійно ризикованої" (відзначені нами мотиви поступлення в вуз слід розглядати як активну стратегію боротьби з професійними ризиками "на вході" професійної стратегії). Мотиви, в більшій ступені актуалізовані у представників даної групи, свідчать про переважно інструментальну цінність отримання вищої освіти, а також значущість "зовнішніх" факторів (бажання батьків і необхідності "закріпитися" в місті). В цій зв'язі вистає питання про особисту осмисленість професійного вибору даної групи студентів. Таким чином, є підстави говорити про наявність професійної дезорієнтації "професійно ризикованої" групи студентів як "на вході" в вуз (т.е. при поступленні в вуз), так і "на виході" з нього (т.е. професійні плани на майбутнє).

Додаткові підтвердження актуальності номінації групи як "професійно ризикованої" знаходимо, звертаючись до аналізу мотивів, що впливають на ставлення до навчання. Для досліджуваної групи в меншій ступені значущими виступають: "увага до успішності при майбутньому працевлаштуванні", "цікавість до предметів", "стремління забезпечити собі професійну кар'єру". В більшій ступені їх мотивує навчатися тільки один мотив - "увага до оцінок при призначенні стипендії".

Підводячи підсумок, відзначимо, що в сучасних соціально-економічних умовах, в яких актуалізована конкуренція за доступ до ресурсів (в тому числі професійним), описана нами група студентів піддається великій небезпеці не тільки з боку професійних ризиків, але і ризиків різних порядків і природи. Сукупність особистих якостей і соціальних характеристик досліджуваної студентської групи перетворює її представників в особливо ризиковану групу в сучасних соціокультурних і соціально-структурних умовах. Як нами було встановлено, професійні ризики в студентській середі виступають індикаторами цілого ряду інших ризиків - економічних, освітніх, ідентифікаційних, комунікативних і т.д., що актуалізує використання категорій "капітал" і "капіталізація" для описання ризиків в студентській середі. Це свідчить про багатовимірне простір сучасних ризиків і глибокої інтервенції в ціннісно-нормативну і практичну сферу життєдіяльності сучасної студентської молоді. На прикладі аналізу соціокультурного портрета "професійно ризикованої" студентської групи слід відзначити, що ризик і невизначеність "паралізують" суб'єктний потенціал агента, а сама суб'єктність³ виступає як практично не єдиний варіант протистояння ризикованій середі.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 402с. 2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. - 1994. - № 5. - С. 107-134. 3. Гидденс Э. Скользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 4. Луман Н. Понятие риска //

³ Вслед за Л.Г. Сокурянской мы понимаем субъектность как "не просто активно действующего индивида (группу), а деятельности которого обязательно присуще самостоятельное, самостоятельное начало" [18, с. 37]

- THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. — 1994. — № 5. — С. 135—160.
5. Зубок Ю.А. Методология рискологического подхода в социологии молодежи [Электронный ресурс] / доступно на <http://www.socyouthran.ru/bookview.php?file=12&PHPSESSID=a7d6aa225dae5413267d4e45a4823a2e>
6. Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 42-51. 7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 31-55. 8. Зубок Ю.А. Риск как фактор социальной мобильности молодежи // Гуманитарный ежегодник. Ростов-на-Дону – Москва: Изд-во ИППК ЮФУ. 2007. №6. 9. Феофанов К.А. Российская социология риска: Состояние и перспективы // Социологические исследования. – 2007. - №4. – с.3-12. 10. Гаврилов К. А. О конструировании понятия "риск" в социологии / К. А. Гаврилов // Социология: методология, методы, математические модели. - 2007. - N 24. - с. 60-80. 11. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. с. 3-35. 12. Красиков С. А. Исследование рисков в западной социологии / С. А. Красиков // Социологические исследования. - 2008. - N 9. - с. 12-19. 13. Мозговая, А. В. Риск как социологическая категория / А. В. Мозговая // Социология 4М: методология, методы, математические модели. - 2006. - N 22. - с. 5-18. 14. Сокурская Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. – Харьков: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2006.-576 с. 14. Сокурская Л.Г., Дейнеко О.О., Будник А.Ю. Соціально-професійні орієнтації студентів пострадянських мегаполісів: досвід компаративної соціологічної розвідки // Методологія теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Х: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2008. – С. 645-655. 15. Уколова А.А. Диспропорції розвитку ринку освітніх послуг в Україні: причини та наслідки // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2010 № 891. – с. 155-162. 16. Сокурская Л.Г., Кислова О.Н. Ценностный мир постсоветского студенчества: результаты применения методов интеллектуального анализа данных // Социология. – №3. – 2008. – С. 88-100. 17. Сокурская Л.Г. Социальная субъектность как социологическое понятие и социальный феномен // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Х.: Видавничий центр ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2001. – с. 36-41.